

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Рецензия на книгу «Дело Выготского»¹

А.Д. Майданский^{1,2} ✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация

✉ caute@yandex.ru

Для цитирования: Майданский, А.Д. (2026). Рецензия на книгу «Дело Выготского». *Культурно-историческая психология*, 22(1), 147–150. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220116>

Review on the book “Vygotsky’s Life Work”²

A.D. Maidansky^{1,2} ✉

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Belgorod National Research University

✉ caute@yandex.ru

For citation: Maidansky, A.D. (2026). Review on the book “Vygotsky’s Life Work”. *Cultural-Historical Psychology*, 22(1), 147–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2026220116>

На русском монографии о творчестве Л.С. Выготского выходят нечасто — в разы реже, чем на иностранных языках. А имеющиеся, в том числе зарубежные, вряд ли могут сравниться с книгой Е.Ю. Завершневой по уровню и глубине исследования.

Девять лет тому назад, в 2017, вышли подготовленные Завершневой и Р. ван дер Веером «Записные книжки Л.С. Выготского». Наконец-то его труды были изданы на родине так, как они того заслуживают: без купюр, без идеологической и вкусовой правки текста, без варварской замены терминов ради приведения их к «современным стандартам», при этом с подробными комментариями (отмечу, что в русском издании они заметно полнее и интереснее, нежели в английском, вышедшем в Шпрингере год спустя).

Благодаря «Записным книжкам» читатель получил прямой доступ в домашнюю лабораторию Выготского и может теперь проследить *развитие* его мысли от гимназических тетрадей до прощальной записки: «Дальше — тишина».

С тех пор, правда, мало кто пользовался этой возможностью. Взгляды Выготского и понятия его «исторической психологии» зачастую обсуждаются без учета генезиса и динамики их развития, без должного внимания к сдвигам в развивающейся теории. Один разворот был настолько резким и крутым, что смутил даже верных его соратников. Вступил в «конфронтацию» с учителем А.Н. Леонтьев, настаивая на «возвращении к исходным тезисам» и разработке проблемы сознания в направлении «практики». Выготский огорчился, убеждал Леонтьева «не работать

¹ Завершнева Е.Ю. Дело Выготского. М.: Канон+, 2026. 528 с. ISBN 978-5-88373-884-4.

² Zavershneva E. Yu. Vygotsky’s Life Work. Moscow: Kanon+, 2026. 528 p. ISBN 978-5-88373-884-4.

все время у низших границ» и внушал, что пришла пора строить «вершинную психологию»...

После смерти Выготского не нашлось никого, кто был готов и способен продолжить разработку новой теории сознания. Отчасти по этой причине открытия «позднего» Выготского, завязанные на понятия переживания и аффекта, «смыслового поля» и «свободного осмысленного действия», долгое время оставались в забвении. Новая книга Завершневой восполняет этот пробел и устраняет ряд слепых пятен в принятых прочтениях Выготского. В полной мере используется капитал его записных книжек, а также стенограммы лекций и докладов 30-х годов, сделавшиеся доступными уже в наши дни.

Рецензируемая книга насчитывает 36 глав. Вступительная глава повествует о ходе «архивной революции», которую сама же Завершнева и начала двадцать лет назад в семейном архиве Выготского; характеризует, поначалу в общих чертах, современное положение дел в изучении его научного наследия; содержит опись работ, выполненных автором на сегодняшний день; и, наконец, раскрывает ее личное отношение к «делу Выготского».

В следующих двух главах показан, с одной стороны, поразительный разброс трактовок и оценок наследия Выготского (нередко замешанных на идеологических пристрастиях, как в гнилую эпоху Размыслова и Рудневой); с другой — принципы общенаучного, «метапсихологического» и собственно психологического уровней, положенные Выготским в основу культурно-исторической теории развития высших психологических функций (КИТ).

Предпринимается попытка прояснить конкретное содержание принципов единства интеллекта и аффекта, общения и обобщения и др., стершееся в современной литературе до дыр и ритуальных фраз. К «твердому ядру» психологических принципов КИТ Завершнева относит «...четыре последовательно введенных принципа: 1) социального происхождения высшей психики, 2) знакового опосредствования, 3) системного и 4) смыслового строения сознания; последний из перечисленных — главенствующий. На их основании строится теория динамических смысловых систем» (с. 48).

Не ограничивая себя историко-научными изысканиями, Завершнева стремится «опробовать замысел Выготского на некоторых современных данных» (с. 49). В нагрузку предлагаются «элементы философской интерпретации», навеянные чтением Витгенштейна, Лакана и Хайдеггера.

Таким образом, исследование не сводится к историко-психологическим раскопкам, а его автора не слишком прельщает «строжайший, монастырский режим мысли», которого Выготский требовал от своих учеников. Вместе с тем Завершнева декларирует намерение «читать Выготского не только внимательно, но и *буквально*», — что ей в большинстве случаев удается.

Следующие четыре главы дают очерк развития КИТ как «научно-исследовательской программы».

Этот термин Лакатоса не случаен — его концепция истории науки используется в книге в качестве рабочего инструмента, в том числе для периодизации творчества Выготского, изображаемого как серия «сдвигов» в ядре теории. В каждый период культурно-историческая теория обогащается новым «ядерным» принципом, после чего все здание в целом претерпевает капитальную перестройку.

Восемь глав обсуждают проблему значения как структурной единицы речевого мышления и «знаковой операции» вообще. Здесь Завершнева идет в кильватере «Мышления и речи», где значение определяется как «внутренняя сторона слова». Но значение имеют не только слова. Свое значение есть у всякой вещи или процесса, попавшего в орбиту культурной деятельности. Люди находят значение и в «равнодушном сиянии отдаленнейших звезд» (Фейербах).

Слово, по Выготскому, обобщает, абстрагирует от наличной ситуации, сообщает единичному всеобщность, каковая и есть значение. Но ведь и *Дело* выполняет ту же работу, причем приступает к ней раньше Слова — как в истории человечества, так и в развитии ребенка. Дела всегда *значили больше слов* и определяли цену словам. Истинное значение слов выявляется и проверяется делом.

Выготский в «Проблеме сознания» замечает, что палке келеровской обезьяны, в отличие от культурных орудий, недостает значения, «нет и предметного значения», и что «орудие требует абстракции». У человека операция с палкой *значима*, у палки здесь есть значение, несмотря на то, что, в отличие от слова, она — орудие, а не знак.

Проследивая эволюцию взглядов Выготского на языковые значения, Завершнева отводит специальные главы метаморфозам значений в развитии детского сознания; экспериментам Л.С. Сахарова и Ж.И. Шиф; патологическим изменениям значений слов при шизофрении, когда слово перестает быть средством общения и обобщения.

Особый интерес представляет анализ клинической работы Выготского, которая почти не освещена в научной литературе. Меж тем «...первые попытки введения принципа смыслового строения сознания мы обнаруживаем в заметках клинической направленности, а именно в размышлениях о природе шизофрении. И это не случайно, поскольку шизофрения представляет собой расстройство *смысловой сферы личности*, в котором разрушается система связей между аффектом, мышлением и речью; таким образом, в феномене шизофрении представлен узел трех тем, которые станут основными для КИТ с 1932 г.» (с. 81).

Причины истерии, шизофрении и афазии Выготский усматривает в нарушении системы связей мышления с волей, эмоциями и речью соответственно. При этом он опирается на гипотезу о единстве закономерностей развития и распада высшей психики, которая встречается уже в самых ранних его научных публикациях (с. 79).

Шесть глав посвящены понятию смыслового поля. Довольно сжато характеризуются ступени его онтогенетического развития в норме и более подробно — экспериментальные исследования патологий смыслового поля, в том числе в совместной работе Г.В. Биренбаум и Б.В. Зейгарник (оцениваемой в книге весьма критически, равно как и понятия смысла у А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева).

В свете взаимоотношений КИТ и отпочковавшейся от нее «деятельностной психологии» особый интерес представляет подробное и глубокое обсуждение в книге понятия «зигзаг свободного осмысленного действия» (исследователи творчества Выготского прошли мимо него, однако оно встречается в работах Биренбаум и Зейгарник). Это важнейшее понятие схватывает природу волевого акта и характер развития связи между практической деятельностью и мышлением: (1) «динамика ситуации», ситуативное действие и мышление, (2) «динамические процессы самой мысли в смысловом поле», (3) «действие, преломленное через призму мысли», ставшее осмысленным и свободным. (См. посмертно изданную работу «Проблема умственной отсталости».)

«Сама форма зигзага — отлет от реальности, движение мысли и ее возвращение к реальности — гегелевская, но взята в ленинской транскрипции», — правильно замечает Завершнева (с. 477). Я бы только добавил: *к сожалению*, взята не напрямую у Гегеля. Картина крестного пути Мирового духа к свободе через Голгофу «отчуждения» — вот где зигзаг так зигзаг, всемирно-исторического размаха. Бледновато смотрится на этом фоне «ленинская транскрипция»...

В процессе зигзагообразного развития сознания через отлет мысли от действия, а слова — от действительности, вплоть до «бессмыслицы, возможной только у человека» (Выготский), — в этом диалектичном процессе образуется высший сплав интеллекта и аффекта: понятие подчиняет своей власти (воле) наши желания и переживания, дела их разумными, а потому свободными. Свобода зарождается в мысли и отсюда переносится в действие, — говорит Выготский.

Время появления размышлений на эту тему в записных книжках совпадает со временем его спора с Леонтьевым (тот датирует «апогей расхождений» 1932 и началом 1933 года). Рискну предположить, что идея зигзага стала плодом этого спора о взаимосвязи сознания с «предметным действием», практикой, — ответом Выготского на брошенный Леонтьевым научный вызов. Хотя в своей эксплицитной форме идея зигзага высказана в ходе критического обсуждения «динамической теории» Курта Левина и, в частности, его трактовки детского слабоумия.

Завершнева дает превосходный разбор двух клинических случаев, описанных Выготским на обороте библиотечных карточек. У больных З. и К. при одинаковом диагнозе (деменция, вызванная болезнью Пика) распадаются разные — восходящее и нисходящее — звенья зигзага свободного действия. К. не способен оторваться от реальности, а З. не может к

ней вернуться. В обоих случаях оказывается разорванной и связь интеллекта с аффектом.

Последний, самый большой раздел — 11 глав — представляет собой коллекцию размышлений Завершневой, выдержанных в «выготском» духе, на разные интересные темы. Здесь и сновидения с их «сырыми аффектами» (две главы), и аномалия сознания в «кейсе» С.В. Шерешевского, и «семи-человекский» метод Выготского, и критика его теории сознания П.Я. Гальпериным, и ряд иных, весьма непростых материй.

В своем исследовании Завершнева проводит ту самую точку зрения, которую Выготский именовал «вершинной»: смотри на историю предмета с высоты наиболее зрелой формы его развития, «акме». Каждый шаг и поворот в интеллектуальной биографии Выготского оценивается с *последней* достигнутой им вершины — в перспективе теории сознания как «динамической смысловой системы». Координатные оси X и Y в этой системе образуют интеллект и аффект, а «единицами» ее являются наши переживания. Все исследования, сделанные Выготским вместе с его сотрудниками, представляют собой не что иное, как ступени восхождения к этой теории, этапы ее созревания.

А впереди уже вырисовывались очертания новой, еще более высокой — «вершинной/акмеистической психологии», призванной указать людям «путь к свободе» (выражения из записных книжек Выготского). Она научит нас, как овладеть аффектами посредством понятий: осмыслить, обобщить и логически связать свои переживания в «систему с единым центром», по образцу Спинозы. Назначение этой психологии — сформировать «человека во всем значении слова», если не «сверхчеловека».

Одолеть остаток дороги к этому Эвересту Выготскому не довелось, а ученики избрали иные вершины и тропы. Земля обетованная так и осталась терра инкогнита. Но все же есть шанс, надежда, что дорогу туда проторят потомки — для чего нужно ясно видеть цель и суметь взобраться на «плечи гиганта».

Именно этому *делу жизни* Выготского, как мне кажется, может и должна служить монография Завершневой. Ни в одной другой «интеллектуальной биографии» Выготского я не встречал такого рода *акмеистической* точки зрения на прожитую им в науке жизнь. А между тем только так, глядя сверху вниз, и можно понять *процесс развития* в любой предметной области. Вспомним знаменитый афоризм Маркса об анатомии человека и обезьяны или его аналог в устах Выготского: «Трагедия Шекспира объяснит нам загадку первобытного искусства».

Перед нами не та книжка, в которой взвешена каждая фраза и логичен каждый ход мысли. Здесь перед глазами читателя разворачивается *научный поиск*, и можно видеть, как протекает «поисково-ориентировочная деятельность» в лабиринте человеческого сознания. Автор ощупывает и преодолевает препятствия, сворачивает в стороны там и сям, может где-то и сбиться с шага. Вслед за ним, от главы к главе, карабкается вспотевший читатель.

Специалиста, увязшего в рутине «нормальной науки», Завершнева вырывает из этой нормальности и окунает в поток «романтической науки». Туда, где водятся косяки аномальных фактов, ломают парадигму большие и малые открытия, где заблуждения бывают ценнее прописных истин, где по сей день бьется пульс мысли Выготского и других давно усопших корифеев научной психологии.

Читая книгу Завершневой, автор этих строк постоянно испытывал желание то продолжить какие-то линии мысли, то ввязаться в спор, прилежно работал маркером и строчил для себя путевые заметки читателя. В заключение мне остается лишь пожелать новой книге долгого доброго пути в большой науке и видного места на полках библиотек, какового она несомненно заслуживает.

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Майданский, доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация; профессор кафедры философии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО НИУ БелГУ), Белгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Information about the author

Andrey D. Maidansky, PhD in Philosophy, professor at the UNESCO Chair “Cultural-Historical Psychology of Childhood”, Moscow State University of Psychology and Education; Professor of Philosophy, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 20.03.2026

Принята к публикации 24.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2026.03.20

Accepted 2026.03.24

Published 2026.03.30